

Источники и литература

1. Садохин А. П., Грушевицкая Т. Г. Этнология: Учебник для студентов высших учебных заведений. Москва: Академия, 2003. 320 с.
2. Скворцов Н. Г. Проблема этничности в социальной антропологии. Санкт-Петербург, 1996. 184 с.
3. Рыжков В. А. Регулятивная функция стереотипов // Знаковые проблемы письменной коммуникации. Куйбышев, 1985. С. 15–21.
4. Шейгал Е. И., Бураковская В. А. Лингвокультурология: языковая репрезентация этноса: учеб. пособие к спецкурсу. Волгоград: Перемена, 2002. 178 с.
5. Чагин Г. Н. Этнос и культуры на стыке Европы и Азии. Пермь, 2002. 384 с.
6. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? Москва, 2003. 375 с.
7. Маслова В. А. Лингвокультурология. Москва, 2001. 208 с.
8. Березович Е. Л., Гулик Д. П. Ономастический портрет «человека этнического»: принципы построения и интерпретации // Встречи этнических культур в зеркале языка. Москва, 2002.
9. Крысин Л. П. О русских этностереотипах в их языковом выражении // Лексикология и лексикография. Москва, 2006. Вып. 17. С. 103–108.
10. Подюков И. А. Этнические стереотипы в народной фразеологии // Этническая культура и современная школа. Кудымкар, 2003. С. 84–90.
11. Алефиренко Н. Ф. Стереотипы и прототипы в этнокультурном пространстве языка // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. «Гуманитарные науки». Вып. 8. 2010. № 24 (95). С. 5–12.
12. Кобозева И. М. Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов // Вестник Московского университета. Сер. 9 «Филология». 1995. № 3. С. 102–116.
13. Этнокультурные процессы русского населения Пермского края на современном этапе: Материалы этносоциального исследования / подг. Г. Н. Чагиным, Е. Н. Шестаковой. Пермь, 2006. 72 с.
14. Федоров Е. Демидовы. Москва: Советский писатель, 1946. 343 с.
15. Решетников Ф. М. Подлиповцы. Москва, 1977. 192 с.
16. Иванов А. В. Чердынь – княгиня гор. Пермь, 2003. 348 с.
17. Никонов Н. Ермак // Уральский следопыт. 1973. № 4. С. 15–25.
18. Иванов А. В. Золото бунта. Москва, 2005. 542 с.
19. Турова Е. Кержаки. Проза. Пермь: ООО «Маматов», 2007. 320 с.
20. Иванов А. В. Message: Чусовая. Москва, 2007. 488 с.

УДК 39

DOI 10.37386/2687-0592-2020-10-77-80

Р. Ю. Федоров

Тюменский научный центр СО РАН, г. Тюмень, Российская Федерация

Этнокультурные процессы у переселенцев из Белоруссии на территории Большемуртинского района Красноярского края¹

Аннотация. Опираясь на результаты полевых исследований выявлены характерные сценарии этнокультурных процессов, имевших место в деревнях Большемуртинского района Красноярского края, в которых в период с конца XIX в. по наши дни проживали крестьяне-переселенцы из Белоруссии и их потомки. Установлено, что за рассматриваемый период выходцы из Белоруссии прошли путь трансформации от территориально-этнографической к этнодисперсной группе. В разных деревнях этот процесс происходил асинхронно, сопровождаясь ситуациями временной однородности их исходного этнического состава, его перманентности или вытеснения.

Ключевые слова: Белорусы, крестьянские переселения, Большемуртинский район, Красноярский край, этнокультурные процессы.

В крестьянских переселениях конца XIX – начала XX в., осуществлявшихся на территорию современного Красноярского края, заметное место занимали выходцы из Белоруссии. По подсчетам В. А. Степнина, среди общего числа крестьян-переселенцев в Енисейской губернии за 1893–1903 гг. доля выходцев из Западного края составляла 37,2% [1, с. 74]. К середине 1920-х гг. белорусы составляли большинство жителей 27 сел, 197 деревень, 89 поселков и 434 хуторов [2]. По результатам Всесоюзной переписи населения 1926 г., на территории Канского, Ачинского, Красноярского и Минусинского округов Сибир-

ского края, территория которых в основном совпадает с административными границами современного Красноярского края, проживало 113 010 белорусов [3], что составляло около трети от общего числа белорусов, проживавших в Сибири. Несмотря на эти цифры, по сравнению с такими соседними регионами, как Новосибирская и Иркутская области, на территории Красноярского края оказалась более ярко выраженной тенденция к трансформации компактного проживания белорусских переселенцев в рассеянное. Чтобы глубже понять причины этой ситуации, в 2019 г. нами была проведена этнографическая экспедиция в одном из типичных мест проживания потомков белорусских крестьян-переселенцев на территории Большемуртинского р-на Красноярско-

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 18-09-00028.

го края (ранее относился к Еловской волости Красноярского уезда), охватившая деревни Минск, Российка, Тигино, Лакино, Верхобродово и районный центр – поселок Большая Мурта. В ходе экспедиции на основе анализа устных историй потомков переселенцев и представителей их нового этнического окружения нами были выявлены характерные сценарии этнокультурных процессов, которые происходили в деревнях с преобладанием переселенцев из Белоруссии с конца XIX в. по наши дни.

В этнокультурной идентичности выходцев из Белоруссии, проживающих на территории Большемуртинского района, прослеживается многоуровневый характер. Предки большинства белорусских переселенцев называли свою родину «Расией». Переселенцы католического вероисповедания из Гродненской и Виленской губерний могли отождествлять свою родину с «Польшей». Себя они чаще называли поляками, тогда как среди православных переселенцев из центральной и восточной Белоруссии доминировала не национальная, а региональная идентичность, в соответствии с которой они называли себя «могилевскими», «витебскими» и «минскими».

В деревнях Большемуртинского района широкое распространение имело отождествление русского старожильского населения с чалдонами, а переселенцев конца XIX – начала XX вв. – с самоходами. При этом на территории Красноярского края, так же как и в ранее исследованных нами районах Свердловской, Тюменской и Омской областей, с названием «самоходы» чаще всего отождествляли себя именно белорусские переселенцы. Эту ситуацию можно объяснить тем, что в конце XIX – начале XX в. этническое самосознание белорусского крестьянства еще не было окончательно сформировано. В этнографических описаниях тех лет его представляли часто называли себя «гутэйшими», т. е. здешними [4, с. 21; 5, с. 15]. В связи с этим можно сделать предположение, что, получив статус переселенцев, часть выходцев из Белоруссии начала отождествлять себя на новом месте уже не с тутэйшими (местными), а с самоходами (пришлыми) [6, с. 107].

Исследуя места компактного проживания потомков белорусских переселенцев, Е. Ф. Фурсова выделила поселенческие модели, характеризующие ситуации вытеснения, перманентности и стабильности (однородности), обусловленные процентным соотношением старожильского населения и разных этнографических групп переселенцев в той или иной деревне [7, с. 350–352]. Так, в ситуации вытеснения численное превосходство переселенцев, подселенных в деревни старожилов, способствовало привнесению на их территорию свойственных переселенцам элементов традиционной культуры. Ситуация перманентности была характерна для поселений, в которых старожилы составляли не менее четверти населения, а его остальная часть состояла из ряда малочисленных групп переселенцев, приехавших из разных мест. В этом случае элементы традиционной культуры, характерные для старожилов,

преобладали над культурными влияниями новопоселенцев. В ситуации стабильности новопоселенцы составляли подавляющее большинство жителей деревни, что обеспечивало сохранение на длительное время многих особенностей их традиционной культуры. С опорой на эти модели нами были исследованы этнокультурные процессы, происходившие в деревнях Большемуртинского района, в которых проживали крестьяне-переселенцы из Белоруссии.

Ситуация вытеснения наглядно прослеживается в судьбе деревни Минск, однако в данном случае вместо старожилов фигурирует моноэтническая общность переселенцев из Минской, Могилевской и Гродненской губерний, основавших деревню, по разным сведениям, в конце XIX или начале XX в. В конце 1950-х гг. в д. Минск было осуществлено плановое переселение крестьян из Чувашии. В результате демографического провала, наступившего после Великой Отечественной войны, женщины – потомки белорусских переселенцев начали вступать в браки с приехавшими в деревню чувашами. При этом благодаря своему численному превосходству чувашки со временем превратились в доминирующую в этой деревне этническую группу. Примечательно, что национальные праздники белорусов и чувашей часто отмечались всей деревней. Наиболее ярким примером этой ситуации чувашки считают проводимый совместно с белорусами праздник агадуй (акадуй), который отмечали после посева в июле: «Тут по отдельности никто свои праздники не отмечал. Все вместе делали, как одна семья. Никто не обращал внимания на национальность» (ПМА. Филимонов Павел Александрович, 1939 г. р., д. Минск Большемуртинского р-на Красноярского края).

Так же как и Минск, расположенная рядом д. Российка была отнесена в «Списке населенных мест Сибирского края» к деревням с преобладанием белорусского населения [8, с. 350]. По рассказам местных жителей, первоначально в ней проживали переселенцы из Могилевской губернии, однако начиная с 1930-х гг. в деревне начали селить спецпереселенцев, среди которых были представители разных национальностей. Начиная с 1950–1960-х гг., в связи с плановыми переселениями в деревню крестьян из ряда других регионов, связанными с развитием подсобного хозяйства Главсевморпути – Красногорского совхоза, Российка приобрела черты поселения со смешанным этническим составом.

Ситуация перманентности характерна для деревни Тигино, которая была основана русскими старожилами. Опрошенные нами потомки белорусских крестьян в большинстве случаев отмечали, что их родители поселились здесь в 1920-е гг., уже после установления советской власти. Важным фактором успешной адаптации переселенцев на новом месте являлись заимствования у старожилов более рациональных для данной местности элементов культуры жизнеобеспечения и принципов хозяйственной деятельности. Старожилов и белорусских переселенцев в деревне отождествляли с чалдонами и самохода-

ми. Помимо белорусов, в течение первой половины XX в. в Тигино поселились выходцы из Вологодской губернии, чуваша и немцы Поволжья. Согласно зафиксированным нами устным рассказам, в этот период между проживавшими в деревне старожилами и переселенцами из разных регионов достаточно быстро начали практиковаться совместные браки. Благодаря этому местные жители сегодня воспринимают деревню в качестве полиэтнического поселения, в котором отсутствует какая-либо доминирующая этническая группа. Сходная ситуация была описана уроженцами д. Верхородово, где жили переселенцы из разных регионов, среди которых заметную группу составляли выходцы из Белоруссии. Примечательно, что проживавшие в деревне уроженцы Мстиславского уезда Могилевской губернии – Сикорские, отождествляя себя с поляками, были православного вероисповедания. В отличие от них, значительная часть жителей соседней деревни Лакино, основанной в 1898 г. выходцами из Гродненской и Виленской губерний, считая себя поляками, придерживались традиционного для них католического вероисповедания. При этом поляков, так же как и белорусов, местные старожила называли самоходами. Для деревни Лакино длительное время была характерна стабильность (однородность) этнического состава. Скорее всего, это было связано с тем, что поляки-католики значительно дольше сохраняли обособленность проживания в силу конфессиональных различий, чем православные выходцы из Белоруссии, которые быстрее интегрировались в новое этническое окружение, состоявшее из русского старожильского населения и других этнографических групп восточнославянских переселенцев. Подвергая анализу исповедные росписи и книгу брачных обысков приходов, к которым относились жители д. Лакино [9, 10], Д. В. Шинкевич отмечал, что «в церковных записях крайне редко встречаются факты бракосочетания белорусов и поляков с «чужими». Ассимиляции с сибирскими старожилами у переселенцев практически не происходило, чаще браки осуществлялись внутри переселенческой среды, и еще долго «свои» брали «своих» и «свои» крестили «своих». В период с 1898 по 1919 г. (на этом метрические книги обрываются) практически все семьи переселенцев деревни Лакино породнились между собой» [11, с. 51]. Вследствие этого, как отмечал автор, «из-за неохотного на протяжении всех этих лет породнения лакинцев с представителями других старожильческих деревень они смогли сохранить особенности не только национальной польской и белорусской культур, но и характерные признаки внешности и характера, отличающие их от крестьян старожильческих селений [11, с. 53]. Начиная со второй половины XX в. этнокультурная однородность населения д. Лакино начала постепенно размываться за счет переезда в него людей из соседних деревень и других регионов, которые принадлежали к разным национальностям. Однако до сих пор отдельные представители старшего поколения Лакино сохраняют польскую идентичность.

Собранные полевые материалы указывают на то, что в деревнях Большемуртинского района реализовался ряд типичных для Красноярского края в целом сценариев этнокультурных процессов в среде белорусских крестьян-переселенцев. Как показали наши полевые исследования, наиболее устойчивой моделью расселения для сохранения этнической общности белорусских переселенцев являлись кусты моноэтнических деревень, между жителями которых формировались брачные круги. Сохранившиеся на сегодняшний день подобные локальные модели расселения фиксировались нами на территории Викуловского р-на Тюменской обл., Баяндаевского р-на Иркутской обл., Муниципального р-на им. Лазо Хабаровского края и некоторых других районов, расположенных в отдельных регионах Сибири и Дальнего Востока. В Большемуртинском районе и ряде других ранее исследованных нами районов Красноярского края эта модель расселения не сохранилась ввиду следующих факторов. В конце XIX – начале XX вв. отводимые здесь для переселенцев участки часто осваивались выходцами из нескольких разных регионов, этнокультурные различия между которыми нередко достаточно быстро стирались ввиду равных социально-экономических условий. Во времена аграрной реформы П. А. Столыпина на территории Красноярского края значительная часть белорусских переселенцев селилась на хуторах или в небольших деревнях, жители которых начиная с 1930-х гг. переселялись в крупные и, как правило, полиэтнические поселки. Преобладание моноэтнического состава в отдельных деревнях, основанных белорусскими переселенцами, чаще всего фиксировалось до 1950-х гг. После Великой Отечественной войны в силу существенного увеличения числа браков между представителями разных национальностей и этнографических групп этнический состав этих деревень становился все более неоднородным. Эту ситуацию усилили плановые переселения крестьян из других регионов СССР в 1950–1960-е гг. Таким образом, в течение XX столетия большинство проживавших на территории Красноярского края потомков крестьян-переселенцев из Белоруссии прошли путь от территориально-этнографической к этнодисперсной группе.

R. Yu. Fedorov

Ethnocultural processes among migrants from Belarus in the Bolshemurtinsky district of the Krasnoyarsk Krai

Annotation. Based on results of the field studies, the main scenarios of ethnocultural processes that took place in the villages of Bolshemurtinsky district of Krasnoyarsk Krai among Belarusian peasants-migrants from the end of the XIX century to the present time have been investigated. It was established that migrants from Belarus went through a transformation from a territorial-ethnographic to an ethno-disperse group. This process in different villages took place asynchronously, accompanied by situations of temporary homogeneity of their original ethnic structure, permanence or displacement. **Keywords:** *Belarusians, peasant migrations, Bolshemurtinsky district, Krasnoyarsk Krai, ethno-cultural processes.*

Источники и литература

1. Степныин В. А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск: Красноярск. гос. пед. ин-т., 1962. 565 с.
2. Белорусы // Энциклопедия Красноярского края [Электронный ресурс]. URL: <http://my.krskstate.ru/docs/ethnoses/belorusy/> (дата обращения: 15.08.2020).
3. Всесоюзная перепись населения 1926 г. // Демоскоп Weekly [Электронный ресурс]. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php (дата обращения: 15.08.2020).
4. Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Т. 3. Санкт-Петербург: Тип. Императ. акад. наук, 1902. 535 с.
5. Богданович А. Е. Пережитки древнего мирозерцаания у белорусов: этнографический очерк. Москва: ИЦ «Слава!»; ООО «Форт-Профи», 2009. 160 с.
6. Федоров Р. Ю. Чалдоны и самоходы: мифы идентичности и этнографическая реальность // Этнографическое обозрение. 2020. № 4. С. 102–115.
7. Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. 424 с.
8. Список населенных мест Сибирского края. Т. 2. Округа Северо-Восточной Сибири. Новосибирск: Сибполиграфтрест, 1929. 952 с.
9. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 222. Оп. 1. Д. 31. Исповедные росписи Больше-Муртинской Михайло-Архангельской церкви за период с 1910–1915 гг.
10. ГАКК. Ф. 728. Оп. 1. Д. 33. Книга брачных обысков Пророко-Ильинской церкви за период с 06.02.1898 по 26.10.1905.
11. Шинкевич Д. В. Переселенцы Беларуси. Люди и судьбы Лакино: исторический очерк. Ч. 1. Красноярск: Сиб. федерал. ун-т, 2017. 85 с.

УДК 94:39

DOI 10.37386/2687-0592-2020-10-80-84

Л. И. Шерстова

Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация

Инородческое население междуречья Бии и Катунь в XVII — начале XX вв.: этносоциальные трансформации

Аннотация. В статье рассматриваются этнокультурные процессы среди аборигенного населения междуречья Бии и Катунь в XVII — начале XX. Ставится проблема продолжения русского этногенеза за счет включения русифицированных аборигенных групп в состав этнографической группы русских — сибиряков. Особое внимание отводится влиянию аборигенной политики России, в частности, реализации в этом регионе в 1830-е гг. «Устава об управлении инородцев» на этносоциальные трансформации местного населения. **Ключевые слова:** сословие инородцев, инородные управы, русификация.

Традиционной темой сибирской этнографии являются вопросы этногенеза аборигенных народов. При этом основное внимание уделяется изучению тех этнических компонентов, из которых шел процесс формирования современных сибирских этносов. Между тем одновременно с процессами этнической консолидации в аборигенной среде широко были распространены процессы этнической аккультурации и ассимиляции, конечным итогом которых было, например, включение обрусевших местных этнических групп в состав русского этноса. Этот процесс во многом облегчался тем, что в основу социального устройства досоветской России был положен не национальный, а сословный признак, пребывание же в одном сословии представителей разных этносов усиливало процессы межэтнических коммуникации и приводило к сглаживанию этнокультурных различий. Однако из этого не следует вывод об абсолютно русификаторской направленности аборигенной политики России в Сибири, так как в результате принятия «Устава об управлении инородцев» в 1822 г. не только были сохранены ясачные волости периода начальной колонизации Сибири, получившие названия инородных управ или степных дум, но и созданы органы инородческого самоуправления для части

аборигенного населения, которое до этого не было структурировано в рамках российского социума. Это относится к многочисленному населению междуречья Бии и Катунь, которое вошло в разряд оседлых инородцев и получило свои органы самоуправления.

В ранний русский период колонизации предгорий Алтая сведения об аборигенном населении междуречья Бии и Катунь являются отрывочными и неполными. Более тесно в начале XVII в. русские контактировали с таежным населением верхнего и среднего течения Бии (предками современных кумандинцев, челканцев, тубаларов), преимущественно расселявшегося на правом ее берегу. Именно через их земли в 1646 г. прошли служилые люди и обьясачили население Мундусской, Тотошской (Тодошской) и Кезегелицкой волостей [1, с. 166]. Согласно «Чертежной книге» У. Ремезова, к концу XVII в. в верховьях Бии проживали кергеши, ниже их по течению — комяши, в районе впадения р. Лебедь в Бию — верхняя куманда, на левобережье Нени при ее впадении в Бию — нижняя куманда, в низовьях Катунь указаны тау-телеуты, а по левому берегу Бии — керсагалы [2, л. 4].

Как следует из русских документов начала XVII в., телеуты Абака, кочевавшие в верхнем Прио-